

IV

Подальше от Востока

Великое княжество и российский народ

В течение XIX столетия финнам удавалось устраивать дела с российскими императорами. Они избежали контактов с российской бюрократией и поддерживали обособленность от метрополии. Еще Николай II давал монаршее заверение, хотя самого худшего уже стоило опасаться, но, как известно, этой «клятвы» было недостаточно, чтобы предотвратить его дальнейшие действия. Самодержец и единодержец начал уничтожение прав Финляндии своим манифестом 1899 г., а Бобриков энергично делал свое дело при поддержке императора. Вследствие национального подъема 1905 г. ситуация, однако, изменилась, и самодержец был вынужден пойти на выборы представлявшей народ Государственной Думы. Речь шла о действительно революционном изменении в истории России.

Как известно, две первые Думы были распущены еще до того, как успели приступить к настоящей законотворческой работе. Третья Дума оказалась, однако, более долговечной и сотрудничала с энергичным премьер-министром Столыпиным. Должность последнего была нововведением в истории самодержавной России.

Столыпину удалось за оставшийся краткий срок сломить революционное движение, за что он был убит и заслужил в истории славу вешателя большевиков и реакционера. Когда Советский

Союз рухнул, новая Россия восстановила честь Столыпина и отнесла его к числу величайших людей в российской истории, который мог бы спасти страну от революционной катастрофы, если бы остался жив. Столыпин произнес однажды знаменитые слова в адрес революционеров: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Для Финляндии Столыпин оказался исключительно опасным противником. За ним теперь было большинство представлявшей народ Думы, и, таким образом, судьба Великого княжества также стала отчасти зависеть от того, как народ России будет к нему относиться. Можно утверждать, что Дума в действительности не представляла народ, т. к. не представляла его большинства. В любом случае она была институтом, в котором мнение народа теперь выяснялось голосованием, и на народных представителей стремились воздействовать речами и риторикой. В тот исторический период к этой работе относились очень серьезно, и думские заседания превращались в интересные зрелища, на которых дискутировали, перебрасывались репликами и ругались. Наиболее красочными фигурами оказались крайне правые депутаты, особенно Николай Марков и Владимир Пуришкевич. Маркова также знали под именем «Марков-второй», т. к. в Думе был его однофамилец. Марков, известный антисемит, был одним из руководителей Союза русского народа, т.н. черных сотен. После революции Марков бежал в Германию и там установил тесные отношения с нацистами. Некоторые ученые утверждают, что прообразом отрядов СА были именно эти, организованные Союзом русского народа для драки отряды, «черные сотни». Организация черных сотен вызвала огромное внимание после убийства Михаила Герценштейна в Террийоках, когда финляндская полиция, к досаде исполнителей, отказалась танцевать под дудку «патриотов» и провела необходимое следствие.

Другой значимой фигурой был Владимир Пуришкевич, который, несмотря на свое польское имя, был жестоким преследователем национальных меньшинств. Он известен своей ролью в убийстве Распутина. Пуришкевич, бывший также поэтом, принадлежал к руководящим фигурам черных сотен, но, рассорившись с вождем Союза русского народа Дубровиным, он основал собственную организацию, известную под именем Союза Михаила Архангела. Целью обеих была защита самодержавия, русской культуры и православия от национальных меньшинств, особенно от евреев, но большого внимания удостоивались также поляки и финны.

На заседаниях Думы Пуришкевич устраивал множество скандалов. Он выкрикивал свое мнение с места, вызывал оппонентов на дуэль и, между прочим, бросил стакан с водой в еврея-либерала, защищавшего с достойной похвалы энергией Финляндию, Павла Милюкова. По решению председательствующего ему следовало покинуть зал, он с этим не согласился, и вахмистры вывели его силой. Эта церемония повторялась неоднократно.

В Думе финляндские дела обсуждались нередко, в том числе весной 1910 г., когда рассматривался порядок представления касающихся Финляндии законопроектов, и в 1912 г., когда рассматривался так называемый закон о равноправии, который расширял права русских в Финляндии и угрожал положить скорый конец блестящей обособленности Великого княжества.

Касающиеся финляндских дел заседания Думы проходили довольно красочно. В 1910 г. Милюков и некоторые другие либеральные и левые ораторы обстоятельно и довольно объективно объясняли особое положение Финляндии, во всех отношениях образцовые порядки, что русская реакция хотела бы уничтожить, хотя следовало бы стремиться к созданию таких же условий в России. Защитники Финляндии продемонстрировали хорошее знание предмета и даже цитировали Снелльмана. Благосклонное отношение монархов к Финляндии являлось аргументом, который трудно было оспорить. Правые прибегли к выкрикам и шовинистической риторике, и председательствующий неоднократно пытался восстановить порядок, звоня в колокольчик. Что происходило в зале заседаний, видно из выступления грузинского меньшевика Гегечкори:

«...с этой высокой трибуны мы посылаем через ваши головы горячие братские приветствия народу Финляндии (аплодисменты слева, шум справа, председательствующий звонит в колокольчик). Пусть знают, что российская демократия искренне признает право каждого народа на самоопределение, и она не только не нападает на права и свободы Финляндии, но защищает их. Пусть финны знают, что народ России (обращается направо) не вы (хохот справа, шум и крик „мумия“; слева шипение и голос: „тише, зубры!“), председательствующий звонит в колокольчик). Ваши крики только показывают и доказывают вашу умственную и нравственную ничтожность (аплодисменты слева)...». В этот момент председательствующий выразил протест против выбранного оратором словоупотребления, но вступающий мог продолжить.

Когда Милюков рассказывал о покорнейшем и благоговейном обращении т.н. Большой делегации финнов к императору в 1899 г., правые насмехались над этим «христианским смирением» еврейского «посланника Финляндии» и напоминали, что у других «посланников Финляндии» были револьверы, из которых они застрелил Бобрикова и ранили других русских. Оружие в страну доставлялось даже на кораблях (намек на историю с судном «John Grafton»). Грузины Чхеидзе и Гегечкори, которые также защищали Финляндию и заявляли, что Дума не представляет 130-миллионный народ России, могли слышать насмешки, что они сами не принадлежат к народу России.

Закон об издании касающихся Финляндии законов был одобрен 164-мя голосами против 23-х. Пуришкевич, который с удовольствием использовал в своих речах греческие и латинские выражения, получил повод театрально воскликнуть: “*Finis Finlandiae*”. Слева это прокомментировали криками «Позор!» и «Это бесстыдно!» Председательствующий еще раз получил повод призвать Пуришкевича к порядку, но полное поражение дела Финляндии нельзя было уже чем-то изменить.

Когда Чхеидзе допустил в связи с чем-то промах, употребив выражение «русское варварство», Марков театрально воскликнул, что азиаты — подразумеваемая под ними, очевидно, как грузин, так и финнов — оскорбляют Россию и «угрожают ей желтой рукой». И финны в расовых теориях того времени часто характеризовались как монголоиды, что в те времена отнюдь не являлось похвалой.

Усилия еврея Милюкова, грузин Чхеидзе, Церетели и Гегечкори и других друзей Финляндии, образно говоря, уходили в песок. Защитников Финляндии обвиняли в получении взяток. В своих воспоминаниях Милюков ссылался на это и писал с иронией, что он, да, «продался» позже, когда принял в знак дружбы финских студентов с песенным приветствием. Никаких взяток, естественно, не давалось, что «истинно русским» националистам понять было весьма затруднительно.

Большевики считались еще недавно историческими победителями. В Советском Союзе еще больше, чем в Финляндии, они не зарывали свой талант в землю, повествуя о своих заслугах в деле защиты Финляндии от царизма. Во времена Советского Союза демонизировали не только Столыпина, но и его умеренных политических противников, от кадетов во главе с Милюковым до меньшевиков. И в Финляндии не считали нужным благодарить их или хотя бы упоминать в истории. Для этого имелась, однако,

причина. Следует признать, что Милюков и другие защитники Финляндии заслужили официальное признание независимой Финляндии. Это напомнило бы о том, что в истории была не только одна, угрожающая Финляндии Россия, но также другая Россия, доброжелательная к нам.

Независимость Финляндии

Ставящее целью независимость Финляндии движение в каком-то виде можно найти уже в XVIII столетии. Тогда речь шла о том, чтобы отделить Финляндию от Швеции при поддержке России и оставить ее, тем или иным способом, под ее защитой. Эти мысли были внушены изданным в 1742 г. императрицей Елизаветой манифестом, а позже витали в некоторых офицерских кругах, которых объединяла враждебность к королю Густаву III.

Это в финской историографии всегда преподносилось как раннее проявления особой финской идентичности, но они никогда не отражали настроения широких национальных кругов. Интриговавший против Густава III Георг Магнус Спренгпортен действительно имел значительное влияние во время становления автономии Финляндии, он также был назначен первым генерал-губернатором Финляндии в 1808 г., т. е. еще до того, как Финляндия была официально присоединена к Российской империи.

Впоследствии финны, все-таки, были удовлетворены автономным положением в составе Российской империи, движения за независимость в полном значении этого понятия не возникало вплоть до так называемого периода угнетения, т. е. периода русификации. Можно считать, что период угнетения начался с февральского манифеста 1899 г., который в Финляндии называли нарушением монаршего обещания, или императорским «клятвopреступлением». Упомянутым манифестом император закрепил за собой право независимо от сейма Финляндии определять, какие законы в законодательстве Великого княжества относятся к общегосударственным делам. Тогда возникло помимо пассивного сопротивления так называемое движение активного сопротивления, которое пользовалось ограниченной поддержкой прежде всего говоривших по-шведски «правых» кругов, которые не избегали планирования вооруженного мятежа или даже террора. Помимо этого широкое распространение получило так называемое пассивное сопротивление. Со стороны нового сепаратистского